

Гинунгагап.

Это имя всегда внушало благоговейный трепет.

Первозданная бездна, что на древнем языке означает «Зевающая пасть». Если представить её наглядно, это всё равно что распахнутая пасть обжоры-таотие, способная пожрать небо и землю, поглотить время и пространство, оставляя лишь зловещую концепцию перехода от бытия к небытию.

Но на самом деле всё обстояло с точностью до наоборот: само появление Гинунгагапа символизировало течение времени. Когда мир погрузился в хаос и беспорядок, небо и земля растворились в бескрайней, крошечной пелене тумана. Шли века, и в этом тумане зародилась бездонная пропасть — Гинунгагап, наполненная пробирающим до костей ледяным туманом и бесконечной тайной.

Сотворение мира — это переход от небытия к бытию.

К северу от Гинунгагапа лежал пронизанный стужей Нифльхейм. Воды, стекавшие в Нифльхейм, замерзали, превращаясь в колоссальные ледники. Год за годом они нарастали на мириады чжанов, пока наконец не начали неудержимо крениться и рушиться в бездну, порождая громopodobный гул, который ещё долго раскатывался эхом. Оставшаяся же часть, всё ещё дышащая холодом, неслась на юг, навстречу палящему зною. Сталкиваясь наперерез друг другу, потоки холода и жара кружили над Гинунгагапом. К югу от пропасти простиралось объятые бушующим пламенем «Царство огня» — Муспельхейм. Огонь из бесчисленных извергающихся вулканов устремлялся на север, принося с собой обжигающие волны в Нифльхейм. Так соблюдался природный баланс, разыгрывалась истинная песнь льда и пламени.

Ледники таяли от жара, превращаясь в воду, та испарялась, обращаясь в пар, а ледяной туман Нифльхейма снова сгущал его в иней и снег, сыпавшийся в Гинунгагап. В этом бесконечном круговороте зародилась новая жизнь: Имир, прародитель инеистых великанов, и корова по имени Аудумла. Аудумла жила тем, что слизывала солёные утёсы подо льдом, а Имир питался молоком, издаваемым коровой. Так началось рождение новой жизни...

...

— Подводя итог вышесказанному, перед нами скандинавский миф о сотворении мира из льда и пламени. Есть ли у двоих стажёров вопросы по этой части?

Найфсоис, чья причёска в стиле хихимэ-гата обрамляла лицо, откинула заднюю крышку капсулы анабиоза.

Лань Ду скорбным лицом принялась теревить широкие рукава своей исследовательской робы и с тоской произнесла, что вопросов нет. В её тоне сквозила вся глубина душевных страдания

измученного старшеклассника, чьи каникулы безжалостно заполнили внеклассными занятиями. Она никак не ожидала, что даже во время летних каникул ей удастся угодить на дополнительные занятия к сестричке Пафф, да ещё и с таким архаичным стилем преподавания, ничем не отличавшимся от школьного. Это всё ещё внушало ей суеверный ужас перед режимом с шести утра до десяти вечера и духовным освобождением.

Она-то думала, что, вырвавшись из удушающей зубрежки старшей школы, сможет наконец вкусить всю остроту настоящей жизни, но чередой экспериментальных задач оставляла её на самом краю несбывшихся мечт. Пока остальные вовсю наслаждались семейными поездками, она была прикована к лаборатории, внося свой скромный вклад в дело повышения и премирования сестрички Пафф. И финальным аккордом, затянувшим её в эту крошечную бездну, стали внезапные внеклассные уроки прямо посреди редкой служебной командировки.

И винить во всём стоило этого бестолкового стажёра, угодившего на полигон словно снег на голову. Лань Ду скосила глаза на невысокого гостя, но тьма в Гинунгагапе оказалась настолько непроглядной, что даже мощное аварийное освещение капсулы анабиоза не помогало — свет мгновенно поглощался ненасытной пастью трещины. Облик стажёра казался размытым, словно фигура с полотна художника-импрессиониста: помимо очертаний лица и голоса, выдававших в нём мужчину, оставалось лишь странное имечко — Эдда фон Хэн.

— Впрочем, существует и другая версия: мол, огонь к югу от бездны был заброшен на север огненным великаном по имени Суртур... Ты вообще слушаешь?!

Найфсоис нахмурилась, и её рука с безошибочной точностью отвесила Лань Ду звонкую оплеуху прямо в темноте. Последовавший за этим стон звучал едва ли не с плачем.

Фэн Цихэн от неожиданности вздрогнул. Звук удара и стон в темноте заставили его замереть так же неестественно, как хоста, впервые сопровождающего клиента. Вся его мужественность в одно мгновение рассыпалась прахом, превратившись в испуганную овечку, заброшенную в волчью стаю, хрупкую и невинную, точно цветок сакуры.

Её меткость напоминала самонаводящуюся ракету. Фэн Цихэн вдруг вспомнил филигранное умение своей школьной учительницы определять положение по звуку и мастерски швыряться мелом. В памяти запечатлелось не только это сверхъестественное умение вести урок на ходу и одновременно метать снаряды вместе с элитарным стилем преподавания, но и багровеющий закат за окном, окрашивавший полнеба, и сидевшая рядом соседка по парте с отблесками закатного солнца на щеке, чья улыбка сияла невероятной, чистой искренностью...

— Ну надо же... Продолжаем. Суртур родился задолго до появления всего живого. В архивах упоминания о Скандинавском божественном мире в основном крутятся вокруг Одина, тогда как записей об этом огненном великане — кот наплакал. Те же редкие крупницы информации сосредоточены вокруг сотворения мира и его гибели. Суртур появляется в оба этих критически важных момента, однако вместо того, чтобы прояснить саму его сущность, эти факты служат лишь дополнительным подтверждением цикла и эпоса Мирового древа... Проанализировав всё это, мы можем сделать вывод, что Суртур обитает в Муспельхейме, то есть в Царстве огня к югу от Гинунгагапа, и вооружен никем ранее не виданным двуручным мечом из чистейшего

пламени...

Найфсоис наконец перевела капсулу анабиоза Ройтихана в ручной режим. Из-под капсулы донесся звенящий лязг: два передних управляемых колеса, опорные катки, направляющие... Наконец, закрепив обе гусеницы с помощью соединительных траков, она завершила модернизацию.

Однако монотонная лекция о божественном мире звучала словно колыбельная, заклиниванием просачиваясь в сознание Лань Ду, а тупая боль в макушке без устали возвращала её к суровой реальности.

Чем больше она думала об этом, тем сильнее закипала. Терпеть больше было нельзя.

Наконец Лань Ду семенящими шажками подползла поближе к Фэн Цихэну. Украдкой бросив взгляд на остолбеневшего товарища-стажёра и дождавшись, пока сестричка Пафф отвернется, она поддалась злomu порыву и отвесила ему увесистый пинок под зад.

Это ощущение напоминало утреннее солнце, лениво растекающееся по телу, когда ты ещё не решил, подремать ли ещё пять минут или проспять целый час, и в этой полудреме кто-то принимает решение за тебя. Один-единственный пинок, возвращающий к жизни, заставлял всем существом прочувствовать разрыв между духом и плотью: душа ещё оставалась в постели, а тело уже шмякалось на колени.

Ноги Фэн Цихэна давно онемели от холода, и внезапный удар под дых заставил его пошатнуться. Бёдра рефлекторно дернулись раз, другой... И когда начальница отдела Найфсоис обернулась, он уже застыл в классической позе додзаэ.

— ...Таким образом, Суртур — лишь один из факторов, а следующие шаги... — Найфсоис осеклась. В темноте ей явно показалось что-то странное, за чем последовал глухой стук о неровную поверхность пола и задавленный в горле стон.

Интуиция подсказывала ей, что прямо перед ней, в аккурат на уровне бедер, образовалась какая-то новая, еще более нелепая серо-чёрная масса, а аварийный свет капсулы анабиоза услужливо подсветил эту неожиданную фигуру — того самого недавно принятого стажёра по фамилии фон Хэн.

Оба молчали, глядя друг на друга. По подрагиванию губ Фэн Цихэна было очевидно, что он хочет что-то сказать, но не решается. Время словно врезалось в невидимую стену, и ему вновь чудился весь ужас его стажёрских будней.

В конце концов Фэн Цихэн решил, что не стоит затягивать эту неловкую паузу, иначе его артритные ноги и вправду отдадут концы прямо на рабочем месте.

— Эм... Старший брат, старшая невестка, с наступающим Новым годом?

Едва слова сорвались с губ, как Фэн Цихэну показалось, что ослепительно-белый свет режет глаза. Силуэт, стоявший против света, казалось, стал ещё чуточку холоднее; ему даже мерещилось, будто это настоящий допрос: надвигающийся холод, слепящие лампы, бесконечные чашки кофе и гнетущая атмосфера дознания... Впрочем, самое главное здесь — бесконечный кофе и пробирающий холод, которые гарантированно заставят его вспомнить о переполненном мочевом пузыре.

В какой-то момент он даже забыл о своей роли стажёра Эдды фон Хэна, мысленно вернувшись в ту эпоху, когда он был простым Фэн Цихэном... Нет, даже раньше, в те дни, когда он, подняв голову к звёздному небу, отзывался на чуточку размытое прозвище Сяо Ци.

Теперь звёзд было не разглядеть. В глазах Фэн Цихэна стоял туман, и его зрачки с едва заметным багровым отливом пробивались сквозь ледяную дымку Гинунгагапа, взмывая ввысь, куда не доставал даже мощный поток аварийного прожектора. Прорравшись сквозь пожирающую всё темноту, он увидел две парящие в пустоте ленты, сплетающиеся воедино из льда и пламени, а выше — нисходящие потоки воздуха, беспокойные ледники, пришедшие издали, и извергающиеся вулканы, ярко являющие миру саму суть созидания жизни...

— Стажёры? Вы чем тут занимаетесь? Я знаю, что в вашей стране есть обычай устраивать показательную порку новичков. Вы это сейчас пытаетесь изобразить?

Найфсоис нахмурилась, скрестив руки на груди, источая неуловимую, но чёрт побери ощутимую дистанцию.

— Я не против того, чтобы вы из лаборатории перебрались на полигон, но и исследовательский дух проявлять нужно делом. Подобные методы, идущие вразрез со стремлением к познанию, недопустимы.

Просто головная боль! Когда же он наконец избавится от привычки молоть чушь независимо от обстановки? И вообще, какая ещё показательная порка?! С каких это пор демонстрация начальственного гнева выглядит так? Да культурная пропасть между ними глубже, чем эта проклятая бездна!

— Да нет же! Он просто изображает слабого, беспомощного и безропотно внимающего наставлениям босса клана Отори из бандитских фильмов! — тут же принялась подливать масла в огонь Лань Ду.

Отори? Классическая якудза из эпохи Сева? Воинствующая фракция, верная кодексу чести и справедливости? Фэн Цихэн даже не стал гадать, кто именно влил в голову этой несовершеннолетней на вид стажёрки дух японской мафии, но позвольте: этот самый якудза — отчаянный головорез, способный запросто отрубить себе мизинец. Нельзя же судить о человеке лишь по тому, что он смиренно слушает наставления босса, считая его беспомощной марионеткой слепой верности! И пусть слепая преданность и впрямь была его отличительной

чертой, но помилуйте, мадам, времена нынче изменились, а старые методы эпохи Сева уже не помогут бандам выжить...

Вообще, Фэн Цихэн вечно чувствовал себя каким-нибудь японским фельдфебелем — ни к кому не подлизывается, никого не обижает, а получив капельку власти, тут же устраивает амнистию налево и направо, воображая себя захудалым царьком, чтобы под конец изречь с лицом, полным фальшивой благодарности: «Снежного Рождества вам». Впрочем, насмотревшись на чужую осторожность, он и сам перенял эту привычку: в заснеженное Рождество, слушая мелодии в стиле Рюити Сакамото, бросить кому-нибудь «Счастливого Рождества», хотя настроение сейчас и тогда различалось кардинально...

Счастливого Рождества, счастливого Рождества... мистер Лоуренс.

— Моя мечта — стать исследователем, не боящимся преград, так что прошу вас, дайте мне ещё один шанс.

Фэн Цихэн опустился на колени, припав к полу, и при этом умудрился ещё немного податься вперед. Столь искреннее признание заставило Найфсоис почувствовать себя не в своей тарелке.

— Т-тебе необязательно так убиваться... — Найфсоис отступила на шаг. — Я вообще-то и не собиралась докладывать о твоём проступке наверх.

Фэн Цихэн поднял голову. Тёмно-красные зрачки в обрамлении серебристых прядей и волевые черты лица заставили Найфсоис невольно отвести взгляд. Немигающие глаза снизу вверх смотрели на повзрослевшую женщину, и во взгляде этом читался немой вопрос: «Правда?»

— Правда, правда, перестань смотреть на меня таким взглядом, — наконец кивнула Найфсоис.

Ей казалось, что этот стажёр чем-то похожа на Лань Ду, но в то же время представляет собой совершенно другой тип личности. Эта странная мысль неотвязно крутилась у неё в голове. Больше всего на свете она не умела противостоять молящим взглядам, когда на тебя уставились глазами побитой собаки — неизменно удар приходился по самым мягким струнам её сердца, а непрекращающееся давление лишь усугубляло ситуацию. Именно поэтому ей вечно приходилось вывозить коллег в Блэкфуд — тамошняя атмосфера казалась слишком уж «ужасающей».

До чего же... подло.

До чего же она сговорчива. В отличие от Найфсоис, Фэн Цихэн заметил, как женщина-начальник отвела взгляд, сдавшись под его напором, и причёска хихимэ-гата скрыла половину её лица, за чем последовало какое-то невнятное бормотание. Бросив быстрый взгляд назад, он заметил, как в темноте за пределами светового пятна бесшумно растворилась тень Нидхегга, а слабый звук дыхания затерялся в пучинах мрака.

Как бы то ни было, сначала нужно разобраться с текущими проблемами.

— Впрочем, — голос начальницы снова похолодал, — хотя я и сказала, что не стану преследовать тебя за аварию на полигоне, я не говорила, что можно спустить с рук домогательства к начальству.

Фэн Цихэн, повернув голову назад, замер в полном недоумении от столь абсурдного обвинения. Когда это он успел сотворить нечто подобное? Двадцать четыре ключевых завета неустанно хлестали его по совести, и стоило дурным мыслям закрасться в голову, как их повторение действовало лучше любой очищающей мантрической практики.

Глядя на жалостливое и невинное выражение лица Фэн Цихэна, Найфсоис подумала, что этот мужчина рождён актёром — он с легкостью изображал обиженную жертву, которой всё нипочём. Напротив, сама она, глядя на эту физиономию, ощутила неожиданный укол совести: если бы не неопровержимые факты перед глазами, она бы и впрямь поверила, будто оклеветала беднягу.

— Да я же отличник учёбы, примерный подросток, образцовая молодёжь и бессменный член ассоциации по борьбе с непристойностями города Цзиншань... — Фэн Цихэн скорчил плаксивую рожицу и, захлёбываясь слезами и соплями, принялся перечислять свои заслуги.

Лань Ду рядом с ними отвисла челюсть. Наблюдая за великолепным спектаклем в исполнении фон Хэна, она невольно сглотнула слюну.

— Хватит! Будем считать, что я ничего не видела, ладно? Перестань меня держать!

Найфсоис изо всех сил пыталась одернуть короткую юбку, которая уже ни на что не годилась, и отчаянно пыталась выдернуть ногу, зажатую в объятиях Фэн Цихэна. Но тот мёртвой хваткой вцепился в неё, прижавшись так крепко, что отдаваемое тело тепло и горячее дыхание лишали её возможности вырваться.

— Ну правда же! Босс, да я ради вас хоть в огонь, хоть в воду! Только не бросайте меня, умоляю! — выпалил Фэн Цихэн и снова поткнулся лицом ей в ногу, демонстрируя собачью преданность.

Найфсоис схватилась за голову, и её синие глаза в темноте стали поищем хищника. Она прекратила сопротивление, лишь медленно поднесла к груди сжатые в кулаки руки...

— ...Вот тебе за то, что не знаешь меры, так тебе и надо, — Лань Ду прервала своё напевание и рассмеялась, глядя на поверженного стажёра, получившего заслуженную оплеуху.

— Да во всём виновата ты! — Фэн Цихэн чувствовал, что кулаки у его начальницы отлиты из чугуна — от такого удара на голове непременно вскочит шишка.

— Хе-хе! Сама напросилась, а теперь моё настроение просто великолепно. Будешь знать, как меня злить!

Лань Ду держалась непринужденно. В прекрасном расположении духа она крутила широкие рукава своей робы, усевшись по-турецки прямо на полу, позволяя слишком длинным полам исследовательской одежды сбиться вокруг неё уютным коконом.

У неё-то настроение отличное, а вот моё испорчено в край. Фэн Цихэн посчитал, что приносить себя в жертву ради чужого веселья не гуманно. Он ведь не какой-нибудь благородный рыцарь с сигарой и дробовиком, провозглашающий лозунги «Один за всех». И хотя до злодея ему было далеко, во имя принципа всеобщего равенства чужую радость следовало бы уполовинить.

Стоило Фэн Цихэну обрести цель, как он тут же наделял её возвышенной идеологией. Исключительно ради продвижения идей социального равенства и гармонии общества, разумеется, и безо всяких там мыслишек о мести!

Мм... Разумеется, именно так!

Перед глазами мелькал настороженный взгляд Лань Ду, а в ушах звучал чарующий голос женщины-начальника, излагавшей детали нового плана. Он завозился задом по полу и, отбросив все сомнения, нанёс сокрушительный пинок...

Если вдуматься, эта сцена выглядела бы точь-в-точь как комический эпизод из коммерческого фильма перед кульминацией. На заднем плане в капсуле анабиоза дремал Ройтихан, пока роковая начальница излагала план, а на переднем плане два стажёра ожесточенно пинали друг друга под зад, доказывая, кто кого пнул сильнее. И всю эту вакханалию дополняла разъяренная бесконечными криками Найфсоис, щедро раздававшая направо и налево подзатыльники и оплеухи.

И с чего это всё вдруг зашло так далеко? Фэн Цихэн покосился на притаившегося в углу Нидхегга. Его багровые зрачки слегка сузились — события десятичасовой давности по-прежнему казались ему невероятным, захватывающим дух приключением...

<http://bllate.org/book/19201/1885557>